

ВОСПОМИНАНИЕ УЧАСТНИКА ДЕМОНСТРАЦИИ 9 ЯНВАРЯ 1905 Г. В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, РАБОЧЕГО ПУТИЛОВСКОГО ЗАВОДА К. Л. КОШКИНА

Свидетельства людей, непосредственно принимавших участие в судьбоносных для страны событиях, составляют золотой фонд Музея современной истории России. Одним из переломных моментов стали революционные события 1905 г. Начало этой трагической эпопеи положил расстрел мирной демонстрации в Санкт-Петербурге 9 января 1905 г. Участником той манифестации был молодой рабочий Путиловского завода К. Л. Кошкин (1888 г.р. Фонозапись 1967 г.).

**«...С СУХИМ
ТРЕСКОМ
УДАРИЛИ
ВИНТОВОЧНЫЕ
ЗАЛПЫ.
ОДИН. ДРУГОЙ.
ТРЕТИЙ. НАРОД
ЦЕПЕНЕЕТ
ОТ УЖАСА...»**

*Расстрел мирной демонстрации
Санкт-Петербург, 9 января 1905 г.
Архив ТАСС*

«...Девятое января 1905 г. Морозное, солнечное утро. Со всех концов Петербурга к Нарвской заставе тянутся длинные вереницы людей. Идут поодиночке, группами, целыми семьями – с женами, с детьми. Идут степенно, не торопясь, празднично одетые. Сбивают с обуви снег и заходят в трактир “Старый Ташкент”. Здесь – Нарвское отделение Гапоновского собрания русских фабрично-заводских рабочих. Народ все прибывает. Зал полон. Люди остаются в сенях, толпятся около дверей. Всадники перед трактором заполняют прилегающую часть Петербургского шоссе.

До этого Комитет (семнадцатилетним рабочим я был в него избран) предъявил администрации

завода требования рабочих. Однако заводское управление отказалось их выполнить. Стачка разрасталась и скоро перекинулась на другие заводы. Чтобы прекратить революционные выступления рабочих, сорвать Путиловскую стачку, Гапон выступал перед рабочими с проповедями о смирении и послушании. Спекулируя на слепой вере в царя наиболее отсталой части рабочего класса, Гапон призывал рабочих пойти к Зимнему дворцу, вручить Николаю Второму прошение об избавлении их от нужды и угнетения. Царь-батюшка, говорил Гапон, не знает, какие вы терпите лишения и нужду. Мы придем и расскажем ему обо всем. И он избавит вас от притеснения богачей-капиталистов.

И вдруг раздается голос: не с прошением надо обращаться к царю, а с требованиями. Не безоружными надо выступать, а вооруженными, чтобы свергнуть самодержавие. Это говорил товарищ Серебровский, стоявший в окружении других большевиков. Переодетые полицейские пытались арестовать его. Но рабочие оттеснили жандармов к стене и помогли большевику скрыться.

...Такого многотысячного скопления народа за Нарвской заставой еще не бывало. На шоссе приостановлено движение конок. Городовые, обычно торчавшие на перекрестках, куда-то скрылись. Вот толпа зашумела: “Выходит, выходит! Расступись, братцы! Отойдите: батюшка Гапон”. И сразу же стало тихо. Впереди кучки своих ближайших приверженцев идет Гапон. Рядом с ним старик из деревообделочной мастерской несет царский портрет в тяжелой золоченой раме.

...С десяток человек бежит в ближайшую по Петергофскому шоссе церковь: Ушаковскую. Вскоре они возвращаются, раздают рабочим хоругви и иконы, взятые из церкви. Гапон со своими приспешниками становится в одном из первых рядов процессии. Вдруг откуда-то вынырнул парнишка, кричит, задыхаясь от волнения: “У Нарвских ворот, сам видел, солдаты стоят!” По толпе прошел гул. Но Гапон поднимает крест, и шествие медленно выползает на шоссе, направляется к Нарвским воротам.

...Шествие уже докатилось до деревянного моста через речку Таракановку. Но вот из-под величественной арки Триумфальных ворот вихрем вырывается конный отряд солдат. Люди инстинктивно шаркаются в стороны. Кто не успевает отбежать, попадает под копыта мчащихся лошадей. Всадники рубят людей шашками, бьют нагайками. Проскакав до конца шествия, солдаты поворачивают и галопом снова мчатся сквозь толпу. На земле остаются убитые и раненые, им оказывают помощь. Но шествие не останавливается. “Становись, идем! Становись, – кричат люди, – идем! Они хотят не пустить нас к царю”.

Люди снова строятся в колонну. Поп Гапон занимает свое место. С пением молитв люди идут дальше. Неожиданно раздаются резкие звуки военного рожка. А вслед за ними с сухим треском ударили винтовочные залпы. Один. Другой. Третий. Народ цепенеет от ужаса. Гапон со своими приспешниками первый

бросается бежать. На снег падает простреленный портрет царя. Рядом с ним лежит мертвый старик-столяр. На снегу валяются хоругви, иконы, бумажные цветы.

...Люди бегут в ближайшие дома, прячутся в подъездах, заходят в квартиры. Я поднимаю какого-то раненого и иду с ним в первую попавшуюся квартиру. Когда мне открывают дверь, я вижу, что здесь тоже есть жертвы. Оказывается, солдаты стреляли не только по шествию, но и по окнам, в особенности по верхним этажам домов. Через несколько часов я узнаю, что друзья моей юности Гриша Ханцев, Максим Волков смертельно ранены. Гришу я еще успел застать в живых в Ушаковской больнице, на больничной койке. Он умирал: горлом у него шла кровь. Он задыхался. Максиму Волкову пуля пробила голову. Кто-то отнес и положил его на крыльцо какого-то дома. Когда я нашел Максима, он был уже мертв.

Расстрел рабочих происходил почти во всех районах Петербурга. Жестокое кровопролитие произошло на Дворцовой площади перед Зимним дворцом, на которую все-таки пробилась рабочая. Свыше четырех тысяч человек было тогда убито и ранено, в тот страшный день – в день Кровавого воскресенья 9 января 1905 г.

Полиция и казаки не давали родственникам увозить тела погибших. Городовые и дворники подбিরали трупы и развозили их по мертвецким покоям больниц, по моргам. В ночь на десятое января полиция тайком свезла тела убитых, зашитые в рогожные мешки, на Преображенское кладбище под Петербургом и там похоронила в общей могиле, старательно утопав поверхность земли, чтобы и следов не было видно.

...Тринадцатое января. На братской могиле погибших состоялась гражданская панихида и демонстрация рабочих Петербурга. Полиция разогнала демонстрацию, арестовав несколько ее участников. Среди арестованных был и я.

По ночам на Путиловском заводе рабочие начали учиться владеть оружием. Начали готовить это оружие. Так началась Первая русская революция».

*Материал подготовил научный сотрудник
Музея современной истории России
Михаил Полищук*